В этот момент подул слабый и болезненный ветерок, но его хватило, чтобы прогнать темный дым и отчаяние. Гарри с новой силой схватился за посох: этот противник был ему не по зубам. Его можно ранить, но можно и победить. Гарри не терял времени: прежде чем его противник успел встать на ноги, посох Гарри с жутким треском обрушился на его шею. Мужчина не поднялся.

Впрочем, это была маленькая победа. Вокруг лагеря битва продолжалась, а Ретлапы все еще не сдавались, хотя уже было ясно, что они проигрывают.

Повсюду их оттесняли назад или теснили. Небольшие группы отчаянно сражались вокруг каждой повозки, пытаясь защитить своих детей и имущество, но Гарри видел, что битва почти проиграна.

Наконец он увидел Тиадульфа, но это зрелище не принесло ему радости. Мужчина был весь в синяках и крови, одна рука бесполезно болталась на боку, а сам он стоял над окровавленным телом своего старшего сына. Его глубокий голос звучал в беззвучной ярости, когда он бросился на троих мужчин, стоявших перед ним.

Но цель Гарри была уже близка. Единственный большой костер, который не был потушен нападавшими, находился в нескольких метрах от его места. Оставалось надеяться, что Уда права.

Выпустив кулак, Гарри бросил в пламя горсть ее дара и обернулся, чтобы снова посмотреть на битву.

Порыв ветра пронесся мимо него, когда пламя выросло до высоты самых высоких деревьев и на секунду вспыхнуло таким ярким зеленым светом, что весь лагерь осветился тревожным изумрудным огнем. Вслед за пламенем подул ветерок, теперь уже свежий и настоящий. Голос Гарри прозвучал эхом, незнакомым, глубоким и угрожающим.

"Даро!" - крикнул он, вспомнив одно из слов синдарина, которому его учили.

Когда его слова разнеслись по лагерю, за ними последовала мощная и удушающая тишина: бойцы на мгновение приостановили свои усилия. Было слышно лишь слабое потрескивание костра позади Гарри.

Затем тишину разорвал темный звонкий смешок. Из постоянно движущихся теней вышла высокая фигура в богатых золотых доспехах, запятнанных кровью. На боку у него висел длинный жестоко зазубренный меч, тускло поблескивавший в свете костра.

Все в нем отличалось от тех, кто до этого сражался вокруг него. Его доспехи и оружие были хорошо сделаны, хотя и жестоки по форме. Он был намного выше всех, кого Гарри видел, кроме Хагрида. В доспехах его рост не превышал семи футов, а двигался он с грацией человека гораздо меньшего роста.

Он медленно сократил расстояние между ними, и в неестественной тишине раздался лишь легкий лязг и скрежет металла. Затем он заговорил, и по пропитанной кровью траве полились нецензурные слова Черной Речи Мордора.

"Кто ты такой, чтобы повелевать мной?" - произнес он, его голос был одновременно мягким и непреклонным, как бархат на лезвии.

Гарри ничего не ответил. Он переступил с ноги на ногу и поборол сильное желание отвести взгляд от стоящей перед ним фигуры.

Мужчина наклонил голову, разглядывая Гарри. "Может быть, волшебник? Ещё один из тех, кто доставляет неудобства?"

Он обошел Гарри, который сменил позицию, чтобы держать мужчину перед собой.

"Нет, ты не волшебник. В них есть сила, даже если она ошибочна. В тебе ее гораздо меньше. Ты даже не можешь посмотреть мне в глаза". Он мрачно усмехнулся. "Жалкий".

Его слова наконец-то дошли до Гарри, который наконец-то посмотрел прямо в глаза человеку, стоявшему перед ним. В свете костра они были почти полностью скрыты тенью, за исключением небольшого злобного отблеска в глубине.

"Значит, у вас все-таки есть позвоночник, - шелковисто произнес мужчина. "Жаль, что у вас мало что еще есть. От твоих салонных фокусов нет пользы ни мне, ни моему хозяину".

Его движение привело к тому, что Гарри оказался спиной к огню, и теперь мужчина снова шел вперед, а Гарри некуда было бежать. Он не мог отступить в пламя, а любой другой выход привел бы к тому, что он оказался бы в зоне досягаемости зазубренного клинка, который мужчина держал наготове.

Единственный путь к спасению лежал через Темного слугу. И он выбрал именно этот путь.

Ему удалось незаметно подбросить последний порошок Уды в пламя у себя за спиной, и когда пламя снова взвилось к небесам, Гарри уже двигался. Он бросился на слугу, пока тот был вынужден отвести взгляд от ярко пылающего костра.

Его гамбит не принес ему пользы. Когда Гарри преодолел последнее расстояние, меч с нечеловеческой скоростью рассек воздух между ними, и Гарри повезло, что посох принял на себя основную тяжесть удара. Он затрещал по сверкающему металлу, и половина сломанной деревяшки упала на землю. Гарри вскрикнул, когда лезвие глубоко вонзилось ему в бок, и его отбросило в сторону, на траву.

"Теперь ты умрешь", - сказал Темный Слуга, в последний раз поднимая клинок. Позади него голодно ревело пламя, и его силуэт отбрасывал темную тень на то место, где лежал Гарри.

Но Гарри все еще не был готов к смерти. В последнем порыве отчаяния он вытянул руку, между пальцами которой все еще был зажат сломанный посох. Внезапно он почувствовал ощущение, которое считал утраченным, - магию. Она пронеслась по его телу и вспыхнула ярким светом. Темный слуга удивленно вскрикнул, когда его подбросило в воздух.

Вскоре его крик перешел в вопль, когда он приземлился в центре все еще горящего костра, который залаял от голода и жестокой благодарности.

Спустя долгие секунды крики стихли, а затем и вовсе прекратились, и в лагере воцарилась жуткая тишина: Гарри лежал неподвижно, совершенно обессиленный своими усилиями. Тени закрались в уголки его зрения, а звезды над головой расплылись. Он моргнул, пытаясь прочистить глаза. Темнота завладела им.

"Харили!" - прошептал голос на краю его сознания. Гарри попытался вникнуть в его смысл, но обнаружил, что мысли ускользают от него.

"Харили!" - повторил голос, на этот раз громче и настойчивее. В тот же миг его пронзила жгучая боль. Он застонал и попытался сдвинуть тело, в котором теперь ощущалась пульсация тупой боли.

Движение вызвало новую волну агонии. Но тут его глаза распахнулись.

Перед ним расстилалось чистое небо открытых равнин, но вскоре его сменили обеспокоенные глаза Реганы, которая что-то бормотала, не понимая его слов.

"Прекрати, - прохрипел он, поднимая руку, чтобы защитить глаза от слепящего утреннего солнца.

"Я... простите. Но ты жив!" - сказала она гораздо медленнее. "Как? Ты заживаешь гораздо быстрее".

Гарри опустил взгляд на свою испорченную и пропитанную кровью одежду: он действительно почти исцелился. Меч глубоко прокусил его и наверняка нанес много серьезных внутренних повреждений. И всё же он лежал на траве, живой, с одним лишь быстро уменьшающимся порезом.

Это не было неожиданностью. Время, проведенное им в подземельях Карн-Дюма, часто сопровождалось мучительными испытаниями на прочность. Они никогда не шли дальше удаления одного пальца на ноге, чтобы обнаружить, что он не способен отрастить конечности, но почти все остальное они делали.

Ожоги заживали за несколько недель, хотя шрамы от них оставались гораздо дольше. Порезы и переломы костей длились считанные дни, прежде чем они почти полностью заживали. Даже полное голодание не могло положить конец его страданиям.

Он подтянул локти под себя и медленно поднялся на ноги, морщась от боли, пронизывающей его тело.

Битва закончилась, но Ретлапа заплатила за это тяжелую цену. Многие тела все еще были разбросаны по лагерю, и оставшиеся в живых трудоспособные люди делали все возможное, чтобы подготовить их к предсмертным обрядам равнинных племен. Самого Гарри перенесли, и вокруг него лежали люди, которые вряд ли доживут до этого дня.

Гарри посмотрел на Регану и задал вопрос, которого так боялся. Медленно, сбивчиво и на смеси языков она поведала ему о перекличке мертвых.

Уда не смогла выбраться из своей повозки и погибла в пламени, пока снаружи бушевала битва. Тьядвард вместе с отцом пытался отбиться от нападавших, но был убит, когда на них набросилась большая группа балутотов, намеревавшихся убить вождя племени.

Но выжили и другие. Энна, жена Тиадульфа, сама убила двоих нападавших, защищая их младшего сына. Вамбальд тоже выжил, хотя и получил несколько новых шрамов. Регана, разумеется, тоже выжила после того, как Гарри оставил ее в покое.

http://tl.rulate.ru/book/4278/151927